

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков

1

Перед красным замком, среди великолепных ильмов, зеленела муравчатая площадка. Рано утром садовник прогладил ее каменным катком, истребил две-три маргаритки и, наново расчертив газон жидким мелом, крепко натянул между двух столбов новую упругую сетку. Из ближнего городка дворецкий привез картонную коробку, в которой покоилась дюжина белых как снег, матовых на ощупь, еще легких, еще девственных мячей, завернутых, каждый отдельно, как дорогие плоды, в листы прозрачной бумаги.

Было часов пять пополудни; спелый солнечный свет дремал тут и там на траве, на стволах, сочился сквозь листья и благодушно обливал ожившую площадку. Играли четверо: сам полковник – хозяин замка, госпожа Магор, хозяйский сын Франк и университетский приятель его Симпсон.

Движения человека во время игры, точно так же, как почерк его во время покоя, рассказывают о нем немало. Судя по тупым, стянутым ударам полковника, по напряженному выражению его мясистого лица – только что выплывшего, казалось, те седые тяжелые усы, что громоздились у него над губой; судя по тому, что ворот рубашки он, несмотря на жару, не расстегивал и подавал мяч, плотно расставив белые столбы ног, – можно было заключить, что, во-первых, он никогда хорошо не играл, а что, во-вторых, человек он степенный, старомодный, упорный, изредка подверженный шипучим вспышкам гнева: так, забив мяч в рододендроны, он выдыхал сквозь зубы краткое проклятие, или же тарасил рыбы глаза на свою ракету, словно не в силах простить ей такой оскорбительный промах.

Случайный помощник его, Симпсон, тощий, рыжеватый юноша с кроткими, но безумными глазами, бьющимися и блестящими за стеклами пенсне, как слабые голубые бабочки, старался играть как можно лучше, хотя полковник, разумеется, никогда не выражал своей досады, когда потеря очка происходила по вине партнера. Но как ни старался Симпсон, как ни прыгал, ему ничего не удавалось: он чувствовал, что расползается по швам, что робость мешает ему метко бить и что в руке он держит – не орудие игры, тонко и вдумчиво составленное из янтарных звонких жил, натянутых на прекрасно вычисленную оправу, а неуклюжее сухое полено, от которого мяч отмигивает с болезненным треском, попадая то в сетку, то в кусты, и норовя даже сшибить соломенную шляпу с круглой плешу господина Магора, стоявшего в стороне от площадки и глядевшего без особого любопытства, как побеждают вспотевших противников молодая жена его Морийн и легкий, ловкий Франк.

Если бы Магор – старый знаток живописи и реставратор, паркетатор, рантуальятор [1] еще более старых картин, видевший мир как довольно скверный этюд, непрочными красками написанный на тленном полотне, – был бы тем любопытным и беспристрастным зрителем, которого иной раз так удобно бывает привлечь, то он мог бы заключить, конечно, что высокая, темноволосая, веселая Морийн так же беспечно живет, как играет, и что Франк вносит <и> в жизнь это умение с плавной легкостью вернуть самый трудный мяч. Но как и почерк часто обманывает хироманта своей поверхностной простотой, так и теперь игра этой белой четы на самом деле ничего другого не открывала, как только то, что Морийн играет по-женски, без усердия, слабо и мягко, меж тем как Франк старается не слишком крепко лупить, помня, что он не на университетском состязании, а у отца в саду. Он мягко шел навстречу мячу, и длинный удар доставлял ему физическое наслаждение: всякое движение стремится к полному кругу, и хотя оно на полпути и преобразуется в правильный полет мяча, однако это незримое продолжение мгновенно ощущается в руке, пробегает по мышцам до самого плеча, – и вот именно в этой длинной внутренней искре – наслаждение удара. С бесстрастной улыбкой на бритом загорелом лице, ослепительно скаля сплошные зубы, Франк поднимался на носки и без видимого усилия двигал обнаженной по локоть рукой: в этом широком взмахе была электрическая сила, и с особенно точным и тугим звоном отскакивал мяч от ракетных струн.

Утром он вместе с приятелем приехал сюда к отцу на каникулы и нашел здесь уже знакомого ему господина Магора с женой, гостивших в замке уже больше месяца; ибо полковник, пылавший к картинам благородной страстью, охотно прощал Магору его иностранное происхождение, необщительность и отсутствие юмора за ту помощь,

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru которую оказывал ему знаменитый живописец, за те восхитительные, бесценные полотна, которые он ему доставлял. И особенно восхитительно было последнее приобретение полковника, портрет женщины работы Лучиано, [2] проданный Магором за очень пышную цену.

Сегодня Магор, по настоянию жены, знавшей щепетильность полковника, надел бледный летний костюм – вместо черного сюртука, который он обычно носил, – но хозяину он все-таки не угодил: рубашка на нем была крахмальная с жемчужными пуговками, а это было, конечно, неприлично. Не особенно приличны были и красно-желтые полусапожки, отсутствие на концах панталон того кругового загиба, который мгновенно ввел в моду покойный король, [3] принужденный однажды перейти дорогу по лужам, – и не особенно изящно выглядела старая, будто обгрызанная соломенная шляпа, из-под которой сзади выбивались седые кудри Магора. Лицо у него было несколько обезьянье, с выпученным ртом, с длинным надгубием и с целой сложной системой морщин, так что, пожалуй, по лицу его можно было погадать, как по ладони. Пока он следил за перелетами мяча, его маленькие зеленоватые глаза бегали справа налево и опять слева направо, – и останавливались, чтобы лениво перемигнуть, когда полет мяча прерывался. В солнечном блеске, на яблочной зелени удивительно прекрасна была яркая белизна трех пар фланелевых штанов и одной короткой веселой юбки, – но, как было замечено выше, господин Магор считал творца жизни лишь посредственным раздражателем тех мастеров, которых он сорок лет изучал.

Тем временем Франк и Морийн, взяв пять игр подряд, собирались взять и шестую. Франк, подавая мяч, высоко подбросил его левой рукой, весь откинулся назад, словно падая навзничь, и сразу широким дугообразным движением хлынул вперед, скользнув блеснувшей ракетой по мячу, который стрельнул через сетку и со свистом, как белая молния, прыгнул мимо Симпсона, беспомощно покосившегося на него.

– Это конец, – сказал полковник.

Симпсон почувствовал глубокое облегчение. Он слишком стыдился своих неумелых ударов, чтобы быть в состоянии увлечься игрой, и этот стыд обострялся еще тем, что Морийн ему необыкновенно нравилась. Как полагается, все участники игры раскланялись, и Морийн искоса улыбнулась, поправляя ленточку на оголившемся плече. Муж ее с равнодушным лицом хлопал в ладоши.

– Мы должны с тобой вдвоем сразиться, – заметил полковник, вкусно хлопнув по спине сына, который, скаля зубы, натягивал клубный пиджак, белый в малиновую полоску, с фиолетовым гербом на боку.

– Чай! – сказала Морийн. – Я жажду чаю..

Все двинулись в тень гигантского ильма, где дворецкий и черно-белая горничная поставили легкий столик. Был темный, как мексиканское пиво, чай, сэндвичи, составленные из огуречных слоев и прямоугольников хлебного мякиша, смуглый пирог в черной оспе изюма, крупная виктория со сливками. Было также несколько каменных бутылок имбирной шипучки.

– В мое время, – заговорил полковник, с грузным наслаждением опускаясь в складное суконное кресло, – мы предпочитали настоящий, полнокровный английский спорт – регби, крикет, охоту. Есть что-то иностранное в современных играх. Тонконогое что-то. Я стойкий сторонник мужественных схваток, сочного мяса, вечерней бутылки портвейна, – что не мешает мне, закончил полковник, приглаживая щеточкой крупные свои усы, – любить старинные плотные картины, в которых есть отблеск того же доброго вина.

– Кстати, полковник, Венецианка повешена, – скучным голосом сказал Магор, положив подле стула на газон свою шляпу и потирая ладонью голое, как колено, темя, вокруг которого еще густо висели грязные серые кудри. – Я выбрал самое светлое место в галерее. Лампочку над ней приладили. Мне хотелось бы, чтобы вы взглянули.

Полковник блестящими глазами уставился поочередно на сына, на смутившегося Симпсона, на Морийн, которая смеялась и морщилась от горячего чая.

– Мой дорогой Симпсон, – крепко воскликнул он, обрушиваясь на выбранную жертву,

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
– вот вы еще не видали! Простите, что оторву вас от сэндвича, мой друг, но я обязан показать вам мою новую картину. Затоки от, нее с ума сходят. Пойдемте. Разумеется, франку я не смею предложить...

Франк весело поклонился:

– Ты прав, отец. Меня мутит от живописи.

– Мы сейчас вернемся, госпожа Магор, – сказал полковник, вставая. Осторожно, наступите на бутылку, – обратился он к Симпсону, который, встал тоже. – Приготовьтесь к душе красоты.

Они втроем направились к дому через мягко озаренный газон. Франк, прищурившись, посмотрел им вслед, взглянул вниз на соломенную шляпу Магора, оставленную им на мураве, подле стула (она показывала Богу, синему небу, солнцу свое белесое дно с темным сальным пятном посередине, на штемпеле венского шляпника), и потом, повернувшись к Морийн, произнес несколько слов, которые, верно, удивят недогадливого читателя. Морийн сидела в низком кресле, вся в дрожащих колечках солнца, прижимая ко лбу золотистый переплет ракеты, и лицо ее стало сразу старше и строже, когда Франк сказал:

– Ну что ж, Морийн? Теперь нам нужно решить...

2

Магор и полковник, как два стражника, ввели Симпсона в просторную и прохладную залу, где по стенам лоснились картины и где мебели не было, если не считать овального стола из блестящего черного дерева, который стоял посередине и всеми четырьмя ногами отражался в зеркальной ореховой желтизне паркета. Подведя пленника к большому полотну в тусклой золоченой раме, полковник и Магор остановились, первый – заложив руки в карманы, второй задумчиво выковыривая из ноздри сухую серую пыльцу и рассыпая ее мелким вращательным движением пальцев.

А картина была действительно очень хороша. Лучиано изобразил венецианскую красавицу, стоящую вполборота на теплом черном фоне. Розоватая ткань открывала смуглую сильную шею с необыкновенно нежными складками под ухом, и с левого плеча сползал серый рысий мех, которым была оторочена вишневого цвета накидка. Правой рукой, продолговатыми пальцами, по два раздвинутыми, она, казалось, только что собралась поправить спадающий мех, но застыла, пристально и томно глядя с полотна карими, сплошь темными глазами. Левая рука в белой зыби батиста вокруг запястья держала корзинку с желтыми плодами; накладка тонким венцом светилась на темно-каштановых волосах, и слева от нее черный тон прерывался большим прямоугольным провалом прямо в сумеречный воздух, в синевато-зеленую бездну облачного вечера.

Но не подробности изумительных теневых сочетаний, не темная теплота всей картины поразили Симпсона. Было нечто другое. Слегка нагнув голову набок и мгновенно покраснев, он проговорил:

– Господи, как она похожа...

...на мою жену, – скучным голосом закончил Магор, рассыпая сухую пыльцу.

– Необыкновенно хорошо, – прошептал Симпсон, наклонив голову на другой бок, – необыкновенно...

– Себастиано Лучиано, – сказал полковник, самодовольно прищурившись, родился в конце пятнадцатого века в Венеции и умер в середине шестнадцатого в Риме. Учителями его были Беллини и Джорджоне, соперниками – Микель Анджело и Рафаэль. Он, как видите, соединил в себе силу первого и нежность второго. Санти, впрочем, он недолюбливал – и дело тут было не в одном тщеславии: легенда гласит, что наш художник был неравнодушен к римлянке Маргарите, прозванной впоследствии форнарина, За пятнадцать лет до своей смерти он произнес обет монашества по случаю получения от Климента VII легкой и доходной должности, с тех пор именуется он фра Бастиано дель Пьомбо. "Il Piombo" значит «свинец», ибо должность его состояла в том, что он прикладывал огромные свинцовые печати к пламенным папским буллам. Монахом он был распутным, со вкусом бражничал и писал посредственные сонеты. Но какой мастер!..

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
И полковник мельком взглянул на Симпсона, с удовольствием отмечая, какое впечатление произвела картина на его тихого гостя.

Но снова нужно подчеркнуть: Симпсон, не привыкший к созерцанию живописи, не мог, конечно, оценить мастерство Себастиано дель Пьомбо, и единственное, что очаровало его, – независимо, конечно, от чисто физиологического действия чудесных красок на глазные нервы, – было сходство, им сразу подмеченное, хотя Морийн он видел нынче в первый раз. И замечательно, что лицо Венецианки, с ее гладким лбом, словно облитым тайным отблеском некой оливковой луны, с ее сплошь темными глазами и спокойным выжидательным выражением мягко сложенных губ, – объяснило ему истинную красоту той Морийн, которая все смеялась и щурилась и играла глазами – в постоянной борьбе с солнцем, яркими пятнами скользившим по ее белому платью, когда, раздвигая ракетой шумящие листья, она отыскивала закатившийся мяч.

Пользуясь свободой, которую в Англии хозяин предоставляет своим гостям, Симпсон не вернулся к чайному столику, а пошел, огибая звездистые цветники, через сад – и вскоре заблудился в шашечных тенях парковой аллеи, где пахло папоротником и листовым тленом. Громадные деревья были такие старые, что их ветви пришлось подхватить ржавыми скрепами, и мощно горбились они, словно дряхлые гиганты на железных костылях.

– Ах, какая удивительная картина, – опять прошептал Симпсон. Он шел, тихо помахивая ракетой, сутулясь и пошлепывая резиновыми подошвами. Его следует отчетливо представить себе – тощего, рыжеватого, в мятых белых штанах, в мешковатом сером пиджаке с хлястиком – а также хорошо отметить легкое без ободков пенсне на рябой пуговке носа, и слабые, слегка безумные глаза, и веснушки на круглом лбу, на маслаках, на красной от летнего загара шее.

Он учился в университете второй год, жил скромно, прилежно слушал лекции по богословию. Подружился он с Франком не только потому, что судьба поселила их в одну квартиру, состоящую из двух спален и одной общей гостиной, – но главным образом потому, что, как большинство слабовольных, застенчивых, втайне восторженных людей, он невольно льнул к человеку, в котором все было ярко, крепко – и зубы, и мышцы, и физическая сила души воля. А со своей стороны Франк, эта гордость колледжа, – он греб на гонках, и летал через поле с кожаным арбузом под мышкой, и умел нанести кулаком удар в самый кончик подбородка, где есть такая же музыкальная косточка, как в локте, удар, усыпительно действующий на противника, – этот необыкновенный, всеми любимый Франк находил что-то очень льстившее его самолюбию в дружбе с неловким, слабым Симпсоном. Симпсону было, между прочим, известно то странное, что Франк скрывал от прочих приятелей, знавших его только как прекрасного спортсмена и веселого малого и вовсе не обращавших внимания на мимолетные слухи о том, что Франк исключительно хорошо рисует, но рисунков своих не показывает никому. Он никогда не говорил об искусстве, охотно пел и пил, и бесчинствовал, но порою нападал на него внезапный сумрак; тогда он не выходил из своей комнаты, никого не впускал, – и только сожитель его, смирный Симпсон, видел, чем занят он. То, что Франк создавал за эти два-три дня злобного уединения, он либо прятал, либо уничтожал, а потом, словно отдав мучительную дань пороку, снова был весел и прост. Только раз он об этом заговорил с Симпсоном.

– Понимаешь, – сказал он, морща чистый лоб и крепко выбивая трубку, я считаю, что в искусстве – особенно в живописи – есть что-то женственное, болезненное, недостойное сильного человека. Я стараюсь бороться с этим бесом, оттого что знаю, как он губит людей. В случае, если я всецело ему поддамся, меня ожидает не покойная и размеренная жизнь с ограниченным количеством горя, с ограниченным количеством наслаждения, с точными правилами, без которых всякая игра теряет свою прелесть, – а сплошная сумятица, буря, Бог знает что. Я буду до гроба мучиться, я стану подобен тем несчастным, которых я встречал в Чельси, тем длинноволосым, самолюбивым дуракам в бархатных куртках – издерганным, слабым, любящим одну только свою липкую палитру...

Но бес, по-видимому, был очень силен. По окончании зимнего семестра Франк, ничего не сказав отцу – и этим глубоко его обидев, – укатил третьим классом в Италию и через месяц вернулся прямо в университет, загорелый, радостный, точно отделившись навсегда от сумрачной лихорадки творчества.

Потом, когда наступили летние каникулы, он предложил Симпсону погостить в

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru отцовском имени, и Симпсон, благодарно вспыхнув, согласился, ибо он с ужасом думал об очередном возвращении домой в тихий северный городок, где ежемесячно случалось какое-нибудь потрясающее преступление, к отцу-священнику, мягкому, безобидному, но совершенно сумасшедшему человеку, занятому больше игрой на арфе и комнатной метафизикой, нежели своей паствой.

Созерцание красоты – будь то особенным образом расцвеченный закат, светящееся лицо или произведение искусства – заставляет нас бессознательно оглянуться на собственное наше прошлое, сопоставить себя, свою душу с недостижимой совершенной красотой, открывшейся нам. Оттого-то и Симпсон, перед которым только что встала в батисте и бархате давно умершая венецианка, теперь вспоминал, тихо идя по липовой земле аллеи – бесшумной в этот предвечерний час, – вспоминал и дружбу свою с Франком, и арфу отца, и свою безрадостную стесненную юность. Звучная лесная тишина дополнялась порой треском неведомо кем тронутой ветки, Рыжая белка скользнула вниз по стволу, пробежала к стволу соседнему, подняв пушистый хвост, и опять кинулась вверх. В мягком потоке солнца между двух рукавов листвы золотой пылью кружилась мошкара, и сдержанно, уже по-вечернему жужжал шмель, запутавшийся в тяжелых кружевах папоротника.

Симпсон сел на скамью, измызанную мазками белил – засохшим птичьим пометом, – и сгорбился, упираясь острыми локтями в колени. Он почувствовал приступ особой слуховой галлюцинации, которой он с детства был подвержен. Находясь в поле, или как сейчас в тихом, уже вечеряющем лесу, он невольно принимался думать о том, что в этой тишине он может, пожалуй, слышать, как весь громадный мир сладко свищет через пространство, как шумят далекие города, как бухают волны моря, как телеграфные провода поют над пустынями. И постепенно его слух, ведомый его мыслью, начинал и вправду различать эти звуки. Он слышал пыхтение поезда, – хотя полотно отстояло, быть может, на десятки миль, – затем грохот и лязг колес и – по мере того, как тайный слух его все обострялся, – голоса пассажиров, смех и кашель и шелест газет в их руках, и, наконец, до самого дна углубившись в свой звуковой мираж, отчетливо различал бой их сердец, и этот бой, этот гуд, этот грохот, катясь и возрастая, оглушал Симпсона; вздрогнув, он открывал глаза и понимал, что это бьется так громко его же сердце.

– Лугано, Комо, Венеция... – пробормотал он, сидя на скамье под бесшумным орешником, – и тотчас же услышал тихий плеск солнечных городов, а потом – уже ближе – позвякивание бубенцов, свист голубиных крыл, высокий смех, похожий на смех Морийн, и шарканье, шарканье невидимых прохожих. Ему хотелось удержать на этом слух, – но слух его, как поток, бежал все глубже, – еще миг, и – уже не в силах остановиться в своем странном падении – он слышал не только шаги прохожих, но стук их сердец, – миллионы сердец вздувались и гремели, и, очнувшись, Симпсон понял, что все звуки, все сердца сосредоточены в сумасшедшем биении его собственного сердца.

Он поднял голову. Легкий ветер, как движение шелкового шлейфа, прошел по аллее. Мягко желтели лучи.

Он встал, слабо улыбнулся и, забыв на скамье ракету, направился к дому. Пора было переодеться к обеду.

3

– Однако, жарко мне от этого меха! Нет, полковник, это просто кошка. Соперница моя, Венецианка, носила, верно, кое-что подороже, Но цвет тот же, не правда ли? Полное впечатление, одним словом.

– Если бы я посмел, я покрыл бы вас лаком, а полотно Лучиано отправил бы на чердак, – любезно подхватил полковник, который был не прочь, несмотря на строгость своих правил, вызвать на ласковый словесный бой такую привлекательную женщину, как Морийн.

– Я бы треснула, – возразила она, – от смеха...

– Боюсь, госпожа Магор, что мы для вас составляем ужасно неудачный фон, – сказал Франк с широкой мальчишеской улыбкой. – Мы грубые, самодовольные анахронизмы. Вот если бы ваш муж надел бы панцирь...

– Глупости, – сухо усмехнулся Магор. – Впечатление старинного вызвать так же легко, как впечатление красок путем нажатия на верхнее веко. Я позволяю иногда

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru себе роскошь вообразить современный мир, наши машины, наши моды такими, какими они будут казаться потомкам нашим через четыреста-пятьсот лет, – уверяю вас, я чувствую себя тогда старинным, как монах времен Возрождения,

– Еще вина, мой дорогой Симпсон, – предложил полковник.

Робкий, тихий Симпсон, сидевший между Магором и его женой, слишком рано, при втором блюде, пустил в ход большую вилку вместо маленькой, так что для жаркого остались маленькая вилка и большой ножик, и теперь, двигая ими, он как бы хромал на одну руку. Когда во второй раз обносили жаркое, он из нервозности взял еще – и тогда заметил, что он ест один и что все с нетерпением ждут, когда он кончит. Он так растерялся, что отодвинул полную еще тарелку и чуть не опрокинул стакан и стал медленно краснеть. Вспыхивал он во время обеда уже несколько раз, и не потому, что было действительно что-нибудь стыдное, а потому, что он думал, что может беспричинно покраснеть, и тогда щеки его, лоб, даже шея постепенно наливались розовой кровью – и слепую, мучительно жаркую краску так же невозможно было остановить, как удержать за тучей выплывающее из-за нее солнце. При первом таком приступе он нарочно уронил салфетку, но когда поднял голову опять, то страшно было на него смотреть: вот-вот воротнички займутся. В другой раз он попытался пресечь наступление молчаливой горячей волны тем, что обратился к Морийн с вопросом – нравится ли ей играть в лаун-теннис, но, к несчастью, Морийн не расслышала, переспросила, и, повторяя свою глупую фразу, Симпсон мгновенно покраснел до слез, и Морийн из чувства милосердия отвернулась, заговорила о другом.

То, что он сидит рядом с ней, ощущает теплоту ее щеки, ее плеча, с которого, как на картине, соскальзывает серый мех, и то, что мех этот она собралась было удержать, но при вопросе Симпсона остановилась, вытянув и сложив по два длинные тонкие пальцы, – так томило его, что в глазах стоял влажный блеск от хрустального огня стаканов, и ему все казалось, что круглый стол, освещенный остров, медленно вращается и, вращаясь, плывет куда-то, тихо увлекая сидящих вокруг него. Между стеклянных половин раскинутых дверей виднелись в глубине черные кегли балконной балюстрады, и душно веял синий воздух ночи. Этот воздух сквозь ноздри вдыхала Морийн, мягкие, сплошь темные глаза ее скользили от одного к другому и не улыбались, когда улыбка чуть приподнимала уголок ее нежных, ненакрашенных губ. Ее лицо оставалось в смугловатой тени, и только лоб был облит гладким светом. Она говорила пустые, смешные вещи – и все смеялись, и полковник приятно багровел от вина. Магор, чистивший яблоко, обхватил его, как обезьяна, ладонью, и маленькое его лицо в венце серых кудрей морщилося от усилий, и серебряный ножик, крепко зажатый в волосатом темном кулаке, снимал бесконечные спирали румяной и желтой кожи. Лицо же франка Симпсон видеть не мог, так как между ними стоял букет огненных мясистых георгинов в блестящей вазе.

После обеда, окончившегося портвейном и кофеем, полковник, Морийн и Франк сели играть в бридж – с подставным, ибо двое остальных играть не умели.

Старый реставратор вышел, врозь расставляя колени, на темный балкон, и Симпсон последовал за ним, чувствуя за своей спиной отступающую теплоту Морийн.

Магор опустился в соломенное кресло у балюстрады, крикнул и предложил Симпсону сигару. Симпсон уселся боком на перила и неловко закурил, щурясь и раздувая щеки.

– Венецианка этого старого распутника дель Пьомбо вам, стало быть, понравилась, – сказал Магор, выпуская в темноту розовый клуб дыма.

– Очень, – отвечал Симпсон и добавил: – Я, конечно, ничего не смыслю в картинах...

– Но все же понравилась, – закивал Магор. – Превосходно. Это первый шаг к пониманию. Вот я, например, всю жизнь посвятил этому.

– Она – как живая, – задумчиво сказал Симпсон. – Можно поверить в таинственные рассказы об оживающих портретах. Я читал где-то, что какой-то король сошел с полотна и как только...

Магор рассыпался тихим трескучим смехом.

– Это, конечно, пустяки. Но вот бывает другое, – обратное, так сказать.

Симпсон взглянул на него. В темноте ночи белесым горбом коробился крахмальный перед его рубашки, и рубиновый шишковатый огонь сигары освещал снизу его маленькое морщинистое лицо. Он много выпил вина и был, видимо, в настроении говорить.

– Бывает вот что, – продолжал он неторопливо, – представьте себе, что вместо того, чтобы вызвать написанную фигуру из рамы, человеку удалось бы самому вступить в картину. Вам смешно, не правда ли? Однако я проделал это не раз. Мне выпало на долю счастье осмотреть все картинные галереи в Европе – от Гааги до Петербурга и от Лондона до Мадрида. Когда мне картина особенно нравилась, я становился прямо перед ней и сосредоточивал всю свою волю на одной мысли: вступить в нее. Мне, конечно, было жутко. Я чувствовал себя как апостол, собирающийся сойти из барки на водную поверхность. Но зато какое потом блаженство! Преди мной было, положим, полотно фламандской школы, со святым семейством на переднем плане, с чистым гладким ландшафтом на заднем. Дорога, знаете, белой змеей, и зеленые холмы. И вот, наконец, я решался. Я вырывался из жизни и вступал в картину. Чудесное ощущение! Прохлада, тихий воздух, пропитанный воском, ладаном. Я становился живой частью картины, и все оживало кругом. Двигались силуэты пилигримов по дороге, Дева Мария что-то тихо лопотала по-фламандски. Ветерок колебал условные цветы, Плыли тучи... Но наслаждение длилось недолго; я начинал чувствовать, что мягко стыну, влипаю в полотно, заплываю масляной краской. Тогда я жмурился и, со всех сил дернувшись, выпрыгивал: был нежный хлопающий звук, как когда вытаскиваешь ногу из глины. Я открывал глаза – я лежал на полу, под прекрасной, но мертвой картиной...

Симпсон внимательно и смущенно слушал. Когда Магор остановился, он едва заметно вздрогнул и огляделся. Все было по-прежнему. Сад внизу дышал темнотой, сквозь стеклянную дверь видать было полуосвещенную столовую, а в глубине, сквозь другую открытую дверь, яркий уголок гостиной и три фигуры, играющие в карты, какие странные вещи говорил Магор!..

– Понимаете, – продолжал он, стряхивая слоистый пепел, – еще бы мгновение, и картина засосала бы меня навсегда. Я ушел бы в ее глубину, жил бы в ее пейзаже, а не то, ослабев от ужаса и не в силах ни вернуться в мир, ни углубиться в новую область, застыл бы написанным на полотне, в виде того анахронизма, о котором говорил Франк. Но, несмотря на опасность, я вновь и вновь поддавался соблазну... А, мой друг, я влюблен в Мадонн! Помню первое мое увлечение – Мадонну в голубой короне, нежного Рафаэля... За ней, в отдалении, у колонн стоят двое и мирно беседуют. Я подслушал их разговор. Они говорили о стоимости какого-то кинжала... Но самая прелестная из всех Мадонн принадлежит кисти Бернардо Луини.[4] Во всех его творениях есть тишина и нежность озера, на берегу которого он родился, – Лаго Маджиоре. Нежнейший мастер... Из имени его даже создали новое прилагательное – «luinesco». У лучшей его Мадонны длинные, ласково опущенные глаза; ее одежда в голубовато-алых, в туманно-оранжевых оттенках. Вокруг чела легкий газ, волнистая дымка, и такую же дымкой обвит ее рыжеватый младенец. Он поднимает к ней бледное яблоко, она смотрит на него, опустив нежные, продолговатые очи... Луиниевские очи... Боже мой, как я целовал их...

Магор замолк, и мечтательная улыбка тронула его тонкие губы, освещенные огнем сигары. Симпсон затаил дыхание, и ему казалось, как давеча, что он медленно плывет в ночь.

– Бывали неприятности, – продолжал Магор, кашлянув. – У меня разболелись почки после чаши крепкого сидра, которым меня однажды угостила дебелая вакханка Рубенса, а на желтом туманном катке одного из голландцев я так простудился, что целый месяц кашлял и харкал мокротой. Вот что бывает, господин Симпсон.

Магор скрипнул креслом, встал, оправляя жилет.

– Заговорился я, – сухо заметил он. – Пора спать. Они Бог знает как долго еще будут хлопать картами. Я пойду, спокойной ночи...

Он прошел через столовую в гостиную и, кивнув на ходу играющим, скрылся в отдаленных тенях. Симпсон остался один на своей балюстраде. В ушах у него звенел тонкий голос Магора. Великолепная звездная ночь подступала к самому балкону, неподвижны были бархатные громады черных деревьев. Сквозь двери за полосой темноты он видел розовую лампу в гостиной, стол, нарумяненные светом лица играющих. Вот

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
полковник встал. Встал и Франк. Издали, словно в телефон, донесся голос полковника:

– Я старый человек, я ложусь рано. Спокойной ночи, госпожа Магор...

И смеющийся голос Морийн:

– Я тоже сейчас пойду. А то муж будет сердиться...

Симпсон слышал, как в глубине закрылась дверь за полковником – и тогда случилась невероятная вещь. Из темноты своей он видел, как Морийн и Франк, оставшиеся одни, – там, далеко, в провале мягкого света, – скользнули друг к другу, как Морийн откинула голову и откидывала ее все ниже назад под сильным и долгим поцелуем Франка. Потом, подхватив упавший мех и взъерошив Франку волосы, она скрылась в глубину, мягко хлопнув дверью, Франк, улыбаясь, пригладил волосы, засунул руки в карманы и, посвистывая тихо, пошел через столовую к балкону. Симпсон был до того потрясен, что застыл, вцепившись пальцами в перила, и с ужасом глядел, как близится сквозь стеклянный блеск белый вырез, черное плечо. Франк, выйдя на балкон и увидя в темноте фигуру приятеля, чуть вздрогнул и закусил губы.

Симпсон неловко сполз с перила. Ноги у него дрожали. Он сделал героическое усилие:

– Чудесная ночь. Мы тут с Магором болтали.

Франк спокойно сказал:

– Он много врет – Магор. Впрочем, когда он разойдется, то послушать его не мешает.

– Да, очень любопытно... – слабо поддержал Симпсон.

– Это Большая Медведица, – сказал Франк и зевнул, не открывая рта. Потом добавил ровным голосом: – Я, конечно, знаю, что ты совершенный джентльмен, Симпсон.

4

Утром забусил, замерцал, протянулся бледными нитями по темному фону лиственных глубин мелкий и теплый дождь. К утреннему завтраку явились только трое – сперва полковник и вялый, бледный Симпсон, затем Франк свежий, чистый, до лоску выбритый, с простодушной улыбкой на слишком тонких губах.

Полковник был сильно не в духе: накануне, во время бриджа, он кое-что заметил, а именно: быстро нагнувшись под стол за упавшей картой, он заметил, что Франк прижался коленом к колену Морийн, Это нужно было прекратить немедленно. Полковник уже некоторое время догадывался, что есть что-то неладное. Недаром Франк рванулся в Рим, где всегда весной бывали Магоры. Пускай сын его делает что хочет – но здесь, в доме, в родовом замке, допустить... нет, надо принять тотчас же самые резкие меры.

Неудовольствие полковника губительно влияло на Симпсона. Ему казалось, что хозяин тяготится его присутствием, и он не знал, о чем говорить. Только Франк был, как всегда, спокойно весел, блестел зубами, вкусно грыз горячие гренки, смазанные апельсиновым вареньем.

Когда допили кофе, полковник закурил трубку и встал.

– Ты хотел посмотреть новую машину, Франк? Пойдем в гараж. При этом дожде все равно ничего нельзя делать...

Потом, почувствовав, что бедный Симпсон нравственно повис в воздухе, полковник добавил:

– Тут у меня несколько хороших книг, мой дорогой Симпсон. Если вам угодно...

Симпсон встрепенулся и стащил с полки какой-то большой красный том: он оказался "Ветеринарным вестником" за 1895 год,

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru

– Мне нужно два слова тебе сказать, – начал полковник, когда он и Франк, напялив хрустящие макинтоши, вышли в туман дождя.

Франк быстро взглянул на отца.

"Как бы это сказать", – подумал полковник, пыхтя трубкой.

– Слушай, Франк, – решил он, и мокрый гравий сочнее зашуршал под его подошвами. – Мне стало известно, все равно как, – или, проще говоря, я заметил, – э, к черту! Вот что, Франк, какие у тебя отношения с женой Магора?

Франк тихо и холодно ответил:

– Я предпочел бы с тобой об этом не говорить, отец. – Про себя же злобно подумал: "Однако, – скотина какая – донес!"

– Я, разумеется, не могу требовать, – начал полковник и осекся. В теннисе, при первом неудачном ударе, он еще умел сдерживаться.

– Хорошо бы починить этот мостик, – заметил Франк, стукнув каблуком по гнилой балке.

– К черту мост! – сказал полковник. Это был второй промах, и на лбу у него надулась гневная ижица жил.

Шофер, гремевший ведрами у ворот гаража, увидя хозяина, стянул свой клетчатый картуз. Это был маленький плотный человек с подстриженными желтыми усиками.

– Доброе утро, сэр, – мягко сказал он и плечом отодвинул крыло ворот. В полутьме, откуда пахло бензином и кожей, поблескивал громадный черный, совершенно новый «Роллс-Ройс».

– А теперь пройдемся по парку, – глухо сказал полковник, когда Франк вдоволь осмотрел цилиндры, рычаги,

В парке первое, что случилось, было то, что крупная холодная капля упала с ветки полковнику за воротник. Эта капля, собственно говоря, и переполнила чашу. Он пожевал губами, как бы примериваясь к словам, и вдруг грянул:

– Предупреждаю тебя, Франк, никаких приключений в духе французских романов я у себя в доме не допущу. К тому же, Магор – мой друг, – понимаешь ты это или нет?

Франк поднял со скамьи ракету, забытую накануне Симпсоном. От сырости она превратилась в восьмерку. «Подлая», – с отвращением подумал Франк. Грузным грохотом проносились слова отца:

– Не потерплю, – говорил он. – Если не можешь вести себя прилично, так уезжай. Я тобой недоволен, Франк, я тобой страшно недоволен. В тебе есть что-то, чего я не понимаю. В университете ты учишься дурно, в Италии ты делал Бог знает что. Говорят, ты занимаешься живописью, вероятно, я не достоин того, чтобы ты показывал мне свою мазню. Да, мазня. Я представляю себе... Гений, подумаешь. Ведь ты, наверное, считаешь себя гением, – или еще лучше – футуристом! А тут еще эти романы... Одним словом, если...

И тут полковник заметил, что Франк тихо и беспечно посвистывает сквозь зубы, он остановился и выпучил глаза.

Франк швырнул, как бумеранг, исковерканную ракету в кусты, улыбнулся и сказал:

– Это все пустяки, отец, в одной книге, где описывалась афганская война, я читал о том, что ты тогда сделал и за что получил крест. Это было совершенно глупо, сумасбродно, самоубийственно – но это был подвиг. Вот это главное. А твои рассуждения – пустяки. Добрый день.

И полковник остался один стоять посреди аллеи, оцепенев от изумления и гнева.

5

Отличительная черта всего сущего – однообразие. Мы принимаем пищу в определенные

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru часы, потому что планеты, подобно никогда не опаздывающим поездам, отходят и прибывают в определенные сроки, Без такого строго установленного расписания времени средний человек не может себе представить жизнь. Зато игривый и кощунственный ум найдет немало занятного в соображениях о том, как жилось бы людям, если бы день продолжался нынче десять часов, завтра – восемьдесят пять, а послезавтра – несколько минут. Можно сказать a priori, что в Англии такая неизвестность относительно точной продолжительности грядущего дня привела бы прежде всего к необычайному развитию пари и всяких других азартных соглашений. Человек терял бы все свое состояние благодаря тому, что день длился на несколько часов дольше, чем он предполагал накануне. Планеты стали бы подобны скаковым лошадям – и сколько волнений возбуждал бы какой-нибудь гневой Марс, берущий последний небесный барьер. Астрономы оказались бы в положении букмекеров, бог Аполлон изображался бы в огненном жокейском картузе – и мир весело сошел бы с ума.

Но, к сожалению, дело обстоит иначе. Точность всегда угрюма, и наши календари, где жизнь мира вычислена наперед, напоминают программу экзамена, от которого не увернешься. Конечно, в этой системе космического Тейлора[5] есть нечто успокоительное и бездумное. Зато как прекрасно, как лучезарно порой прерывается мировое однообразие книгой гения, кометой, преступлением или даже просто одной ночью без сна. Но законы наши, пульс, пищеварение крепко связаны со стройным движением звезд, и всякая попытка нарушить равномерность карается – в худшем случае отсечением головы, в лучшем головной болью. Впрочем, мир был создан несомненно с добрыми намерениями, и никто не виноват в том, что в нем иногда бывает скучно и что музыка сфер напоминает иным бесконечные повторения шарманки.

Однообразие это особенно остро ощущал Симпсон. Он чувствовал что-то страшное в том, что и сегодня второй завтрак последует за первым, обед – за чаем, с ненарушимой правильностью. Когда он подумал о том, что так будет продолжаться всю жизнь, ему захотелось кричать, биться, как бьется человек, проснувшийся в гробу. За окном все мерцала морось, – и оттого, что приходилось сидеть дома, в ушах жужжало, как когда бывает жар. Магор весь день просидел в мастерской, устроенной для него в башне замка. Он работал над восстановлением лакировки небольшой темной картины, писанной на дереве. В мастерской пахло клеєм, терпентином, чесноком, которым очищают картину от соляных пятен; на маленьком верстаке, подле пресса, блестели колбы соляная кислота, винный спирт, – валялись куски фланели, ноздреватые губки, разнообразные гратуары.[6] Магор был в старом халате, в очках, без воротничков, запонка величиной чуть ли не в дверную кнопку торчала под самым кадыком, шея была тонкая, серая, в старческих пупырьках, и черная мурmolка покрывала плешь. Он рассыпал, знакомым уже читателю, мелким вращательным движением пальцев щепотку истолченной смолы, осторожно втирал ее в картину, и старый пожелтевший лак, царапаемый частичками порошка, сам превращался в сухую пыль.

Остальные обитатели замка сидели в гостиной, полковник сердито развернул исполинскую газету, вслух читал, медленно успокаиваясь, чью-то очень консервативную статью. Потом Морийн и Франк затеяли игру в пинг-понг: целлулоидный мячик со звонким грустным треском перелетал через зеленую сетку, натянутую поперек длинного стола, – и Франк, конечно, играл превосходно, двигая одной кистью, легко поворачивая слева направо тонкую деревянную лопатку.

Симпсон прошел по всем комнатам, кусая губы и поправляя пенсне. Так вошел он в галерею. Бледный как смерть, тщательно прикрыв за собою тяжелую тихую дверь, он на носках подошел к Венецианке Фра Бастиано дель Пьомбо. Она встретила его знакомым матовым взглядом, и длинные пальцы ее замерли на пути к меховой оборке, к вишневым спадающим складкам. На него пахло медовой темнотой – и он глянул в глубь окна, прерывавшего черный фон. Там по зеленоватой синеве тянулись песочного цвета тучи, к ним поднимались ломаные темные скалы, меж которых вилась бледная тропа, а пониже были смутные деревянные лачуги – и Симпсону почудилось, что на мгновение зажглась в одной из них точка огня. И пока он смотрел в это воздушное окно, он почувствовал, что Венецианка улыбается, но, быстро взглянув на нее, не успел поймать улыбки: только слегка был приподнят правый теневой уголок мягко сложенных губ. И тогда что-то в нем сладко оборвалось, и он весь отдался теплоту очарования картины. Нужно помнить, что был он человек болезненно-восторженного нрава, что жизни он не знал совершенно и что впечатлительность заменяла в нем ум. Холодная дрожь, как быстрая сухая ладонь, скользнула по его спине – и тотчас же он понял, что должен он сделать, но, быстро оглянувшись и увидев блеск паркета, стол, слепой белый лоск картин там,

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
где падал на них дождливый свет, льющийся в окно, – он почувствовал стыд и страх. И хотя прежнее очарование мгновенно нахлынуло на него опять, он уже знал, что едва ли может выполнить то, что за минуту до этого он без мысли совершил бы.

Впившись глазами в лицо Венецианки, он попятился от нее и вдруг широко раскинул руки. Копчиком он больно стукнулся обо что-то; обернувшись, увидел сзади себя черный стол. Стараясь ни о чем не думать, он влез на него – и встал во весь рост против Венецианки – и снова, взмахнув руками, приготовился к ней полететь.

– Удивительный способ любоваться картиной. Сам изобрел?

Это был Франк, Он стоял, расставя ноги, в дверях и с холодной усмешкой глядел на Симпсона.

Симпсон дико блеснул на него стеклами пенсне и неловко пошатнулся, как встревоженный лунатик. Потом сгорбился, жарко покраснел и неуклюжими движениями сошел на пол.

Франк поморщился от острого отвращения и молча вышел из зала. Симпсон кинулся за ним.

– Ах, пожалуйста, прошу тебя, не рассказывай... – Франк на ходу, не оглядываясь, брезгливо пожал плечами.

6

К вечеру дождь неожиданно перестал. Кто-то спохватился и завинтил краны. Влажный оранжевый закат задрожал между ветками, расширился, отразился во всех лужах сразу. Из башни был силой извлечен маленький кислый Магор. От него пахло скипидаром и горячим утюгом, он обжег себе руку. Нехотя напялил он черное пальто, поднял воротник и вышел с другими пройтись. Один Симпсон остался дома – под тем предлогом, что ему нужно непременно ответить на письмо, пришедшее с вечерней почтой. На самом же деле отвечать на письмо было незачем, так как было оно от университетского молочника, просившего немедленно заплатить по счету два шиллинга и девять пенсов.

Симпсон долго сидел в наплывающих сумерках, без мысли откинувшись на спинку кожаного кресла, – потом вздрогнул, чувствуя, что засыпает, и стал думать о том, как поскорее выбраться из замка. Проще всего было сказать, что заболел отец: как многие застенчивые люди, Симпсон умел лгать, не моргая. Но уехать было трудно. Что-то темное и сладкое удерживало его, как хорошо темнели скалы в провале окна... Как хорошо было бы обнять ее за плечо, взять из левой руки ее корзину с желтыми плодами, тихо пойти с ней вместе по той бледной тропе во мглу венецианского вечера...

Он опять спохватился, что засыпает. Встал, вымыл руки. Снизу донесся круглый, сдержанный обеденный гонг.

От созвездия к созвездию, от обеда к обеду так движется мир, так движется и этот рассказ. Но его однообразие теперь прервется невероятным чудом, неслыханным приключением. Ни Магор, опять тщательно освободивший граненую наготу яблока от блестящих румяных лент, – ни полковник, снова приятно побагровевший после четырех рюмок портвейна – не считая двух стаканов белого бургондского, – не могли, конечно, знать, какие неприятности принесет им завтрашний день. После обеда был неизменный бридж, и полковник с удовольствием заметил, что Франк и Морийн даже не глядят друг на друга. Магор пошел работать, а Симпсон сел в угол, раскрыв папку с литографиями, и только два-три раза взглянул из своего угла на играющих, мельком удивившись тому, что Франк с ним так холоден, а что Морийн как бы поблекла, уступила место другой... Эти мысли были такие ничтожные по сравнению с тем дивным ожиданием, с тем огромным волнением, которое он теперь старался обмануть разглядыванием неясных гравюр.

И когда расходились и Морийн с улыбкой кивнула ему, пожелала спокойной ночи, – он рассеянно, без смущения, улыбнулся ей в ответ.

7

В эту ночь, во втором часу, старый сторож, служивший некогда в грумах у отца полковника, совершал, как всегда, небольшую прогулку по аллеям парка. Он отлично знал, что должность его – пустая условность, так как местность была

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
исключительно тихая. Ложился он спать неизменно в восемь часов вечера, в час трещал будильник – и тогда сторож, громадный старик с седыми почтенными баками, за которые, между прочим, любили таскать его дети садовника, – легко просыпался и, закулив трубку, вылезал в ночь, обойдя разок тихий, темный парк, он возвращался в комнатку свою и, тотчас же раздевшись и оставшись в одной нетленной нательной фуфайке, очень шедшей к его бакам, снова ложился спать и уже спал до утра.

В эту ночь, однако, старый сторож заметил кое-что ему не понравившееся. Он застил из парка, что одно окно в замке слабо освещено. Он знал совершенно точно, что это окно той залы, где висят дорогие картины. Будучи стариком необыкновенно трусливым, он решил притвориться перед самим собой, что этого странного света он не заметил. Но добросовестность взяла верх; он спокойно рассудил, что его дело смотреть, нет ли воров в парке, а воров в доме он не обязан ловить. Так рассудив, старик со спокойной совестью вернулся к себе – он жил в кирпичном домике близ гаража – и сразу заснул мертвецким сном, которого не мог бы прервать даже потрясающий грохот новой черной машины, если бы кто-нибудь в шутку пустил бы ее в ход, нарочно открыв глушитель.

Так приятный безобидный старик, как некий ангел-хранитель, на мгновение проходит через этот рассказ и вскоре удаляется в те туманные области, откуда он вызван был прихотью пера.

8

Но в замке действительно кое-что случилось.

Ровно в полночь Симпсон проснулся. Он заснул только что, и, как это иногда бывает, проснулся именно оттого, что уснул. Приподнявшись на руку, он посмотрел в темноту. Сердце его крепко и быстро билось от сознания, что в комнату вошла Морийн. Только что в своем мгновенном сне он говорил с нею, помогал ей подниматься по восковой тропе между черных скал, расколотых тут и там маслянистым лоском. Узкая белая наколка, как лист тонкой бумаги, чуть трепетала на темных ее волосах при дуновении сладкого ветра.

Симпсон, тихо охнув, нащупал кнопку. Брызнул свет. В комнате никого не было. Он ощутил удар пронзительного разочарования, задумался, покачивая головой, как пьяный, – и потом дремотными движениями встал с постели, принялся одеваться, вяло чмокая губами. Им руководило смутное чувство, что ему нужно быть одетым строго и нарядно; потому-то он с какой-то сонной тщательностью застегивал на животе низкий жилет, завязывал черный бант галстука, долго ловил двумя пальцами несуществующего червячка на атласистом отвороте жакета. Смутно помня, что проще всего можно проникнуть в галерею с улицы, он, как тихий ветер, выскользнул через французское окно в темный мокрый сад. Черные кусты, словно облитые ртутью, блестели под звездами. Где-то гукала сова. Симпсон легко и быстро шел по газону, между сырых кустов, огибая громаду дома. На мгновение свежесть ночи, пристальный блеск звезд отрезвили его. Он остановился, нагнулся, как пустое платье опустился на мураву в узком пространстве между цветником и стеною замка. Дремота навалилась на него; ударом плеча он попытался ее сбросить. Надо было торопиться. Она ждет. Ему казалось, что он слышит ее настойчивый шепот...

Он не заметил, как встал, как вошел, как включил свет, облив теплым блеском полотно Лучиано. Венецианка стояла к нему вполоборота, живая и выпуклая. Темные глаза ее, без сверкания, глядели ему в глаза, розоватая ткань рубашки особенно тепло выделяла смуглую прелесть шеи, нежные складки под ухом, в правом уголку выжидательно сложенных губ застыла мягкая усмешка; длинные пальцы, по два расставленные, тянулись к плечу, с которого сползали мех и бархат.

И Симпсон, глубоко вздохнув, двинулся к ней и без усилия вступил в картину. Сразу закурилась голова от дивной прохлады. Пахло миртом и воском и чуть-чуть лимоном. Он стоял в какой-то голой черной комнате, у вечернего открытого окна, и совсем рядом с ним стояла венецианская настоящая Морийн, высокая, прелестная, вся изнутри освещенная. Он понял, что чудо случилось, и медленно потянулся к ней. Венецианка искоса улыбнулась, тихо поправила мех и, опустив руку в свою корзину, подала ему небольшой лимон. Не сводя глаз с ее заигрававших глаз, он взял из ее руки желтый плод – и как только он ощутил его шероховатый твердый холодок и сухой жар ее длинных пальцев, невероятное блаженство вскипело в нем, сладко заклокотало. Вздвогнув, он отвернулся к окну: там, по бледной тропе между скал,

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
шли синие силуэты в капюшонах, с фонариками. Симпсон оглянул комнату, где он стоял, не чувствуя, впрочем, пола под ногами. В глубине, вместо четвертой стены светилась, как вода, далекая знакомая зала, с черным островом стола посередине. И тогда внезапный ужас заставил его стиснуть холодный маленький лимон. Очарование рассеялось. Он попробовал взглянуть налево, на Венецианку – но не мог повернуть шею. Он увяз, как муха в меду, дернулся и застыл, и чувствовал, как кровь его и плоть и платье превращаются в краску, врастают в лак, сохнут на полотне, Он стал частью картины, он был написан в нелепой позе рядом с Венецианкой, – и прямо перед ним, еще явственнее, чем прежде, распахивалась зала, полная земным, живым воздухом, которым отныне он дышать не мог.

9

На следующее утро Магор проснулся раньше обыкновенного. Босыми волосатыми ногами, с ногтями как черный жемчуг, он нашарил ночные туфли и мягко прошлепал по коридору к двери жениной спальни. Супружеских отношений между ними не было больше года, но он все равно каждое утро к ней приходил и с бессильным волнением смотрел, как она причесывается, сильно встряхивая головой и стрекоча гребнем по каштановому крылу натянутых волос. Сегодня в этот ранний час, войдя в ее комнату, он увидел, что постель убрана и что к изголовью припилен булавкой лист бумаги. Магор достал из глубокого кармана халата огромный футляр с очками и, не надевая их, а только приложив к глазам, наклонился над подушкой и прочел, что было написано знакомым мелким почерком на припиленном листе. Прочтя, он бережно вложил очки обратно в футляр, отколол и сложил лист, задумался на мгновение и потом, решительно шаркая туфлями, вышел из комнаты. В коридоре он столкнулся с лакеем, который испуганно взглянул на него.

– Что, полковник уже встал? – спросил Магор.

Лакей торопливо ответил;

– Да, сэр. Полковник в картинной галерее, я боюсь, сэр, он очень сердится. Меня послали разбудить молодого господина.

Магор, не дослушав, запахивая на ходу свой мышинного цвета халат, быстро направился в галерею, Полковник, тоже в халате, из-под которого спадали складками концы полосатых ночных панталон, ходил взад и вперед вдоль стены, усы его щетинились, и лицо, налитое багровой кровью, было страшно, Увидя Магора, он остановился, пожевал губами, примериваясь, и грянул:

– Вот, полюбуйтесь!

Магор, которому было мало дела до гнева полковника, все же невольно взглянул по направлению его руки и увидел действительно невероятную вещь. На полотне Лучиано, рядом с Венецианкой, появилась новая фигура. Это был отличный, хотя и наскоро сделанный портрет Симпсона. Тощий, в черном жакете, резко выступавшем на более светлом фоне, странно вывернув ноги, он протягивал руки, как будто в мольбе, и бледное лицо его было искажено жалким и безумным выражением.

– Нравится? – свирепо осведомился полковник. – Не хуже самого Бастиано, не правда ли? Мерзкий мальчишка! Отомстил мне за мой добрый совет. Ну, посмотрим...

Вошел растерянный лакей.

– Господин Франк не в своей комнате, сэр. И вещи его ушли. Господина Симпсона тоже нет, сэр. Он, вероятно, вышел пройтись, сэр, утро будучи так прекрасно.

– Утро будь проклято, – громыхнул полковник, – чтобы сию...

– Осмелюсь доложить, – робко добавил лакей, – что сейчас приходил шофер и сказал, что из гаража исчезла новая машина.

– Полковник, – тихо сказал Магор, – мне кажется, я могу объяснить вам, что случилось.

Он посмотрел на лакея, и тот на носках вышел.

– Вот в чем дело, – скучным голосом продолжал Магор, – ваше предположение, что именно сын ваш надписал эту фигуру, несомненно правильно, Но кроме того, я

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru
закрываю из записки, мне оставленной, что он на рассвете увез мою жену.

Полковник был британцем и джентльменом. Он сразу почувствовал, что выражать свой гнев в присутствии человека, от которого только что сбежала жена, неприлично. Поэтому он отошел к окну – одну половину гнева проглотил, другую выдул, пригладил усы и, успокоившись, обернулся к Магору.

– Позвольте мне, мой дорогой друг, – сказал он учтиво, – уверить вас в моем самом искреннем, самом глубоком сочувствии и не говорить вам о той злобе, которую чувствую по отношению виновника вашего несчастья. Но, несмотря на то, что понимаю, в каком вы находитесь состоянии, я должен, я принужден, мой друг, попросить вас немедленно оказать мне услугу. Искусство ваше спасет мою честь. Сегодня приезжает ко мне из Лондона молодой лорд Нортвик, обладатель, как вы знаете, другой картины того же дель Пьомбо.

Магор поклонился.

– Я принесу нужные мне принадлежности, полковник.

Минуты через две он вернулся, все еще в халате, с деревянным ящиком в руках. Немедленно он открыл его, вынул бутылку нашатырного спирта, сверток ваты, тряпочки, скоблилки и сел за работу. Соскабливая и стирая с лака черную фигуру и белое лицо Симпсона, он не думал вовсе о том, что делает, но о чем думал он, не должно быть любопытно читателю, умеющему уважать чужое горе. Через полчаса портрет Симпсона совершенно сошел, и сыроватые краски, составлявшие его, остались на тряпочках Магора.

– Изумительно, – сказал полковник, – изумительно. Бедный Симпсон исчез бесследно.

Бывает, что какое-нибудь случайное замечание толкает нас на очень важные мысли. Так и теперь Магор, собиравший свои инструменты, вдруг вздрогнул и остановился.

"Странно, – подумал он, – очень странно. Неужели..."

Он посмотрел на тряпки с приставшей к ним краской и вдруг, странно поморщившись, собрал их в кучу и бросил в окно, у которого работал. Потом провел ладонью по лбу, испуганно взглянул на полковника, который, иначе понимая его волнение, старался не глядеть на него, и с необычайной поспешностью вышел из зала, прямо в сад.

Там, под окном, между стеной и рододендронами, садовник, почесывая темя, стоял над человеком в черном, лежавшим ничком на мураве. Магор быстро подошел.

Человек двинул рукой и повернулся. Потом с растерянной усмешкой встал на ноги.

– Симпсон, Господь с вами, что случилось? – спросил Магор, вглядываясь в его бледное лицо.

Симпсон усмехнулся опять.

– Мне ужасно жалко... Так глупо... Я ночью вышел пройтись – и вот заснул, тут на траве. Ах – ломит... Я видел чудовищный сон... Который час?

Садовник, оставшись один, неодобрительно покачал головой, глядя на примятый газон. Потом наклонился и поднял небольшой темный лимон с отпечатками на нем пяти пальцев. Он сунул лимон в карман и пошел за каменным катком, оставленным на теннисной площадке.

10

Таким образом сухой сморщенный плод, случайно найденный садовником, является единственной загадкой во всем этом рассказе. Шофер, посланный на станцию, привез обратно черный автомобиль и записку от Франка, вложенную в кожаный карман над сиденьем.

Полковник вслух прочел ее Магору:

"Мой дорогой отец, – писал Франк, – я исполнил два твоих желания. Ты пожелал,

Венецианка. Владимир Владимирович Набоков nabokovvladimir.ru чтобы в доме у тебя романтики не было, поэтому я уезжаю, увозя с собой женщину, без которой жить не могу, Ты пожелал также, чтобы я показал тебе образец моего искусства: поэтому я написал для тебя портрет моего бывшего друга, которому ты, кстати, можешь от меня передать, что доносчики мне только смешны. Я писал его ночью, писал с памяти, – и если сходство не совершенно, то виной тому недостаток времени, плохое освещение и понятная моя торопливость, Твой новый автомобиль работает прекрасно. Я оставляю его до востребования в станционном гараже".

– Отлично, – прошипел полковник. – Только мне очень хотелось бы знать, на какие деньги ты будешь существовать.

Магор, бледный, как зародыш в спирту, кашлянул и сказал:

– Причин нет скрывать от вас правду, полковник. Лучиано никогда не писал вашей Венецианки. Это только изумительное подражание.

Полковник медленно встал.

– Это написал ваш сын, – продолжал Магор, и вдруг углы его рта стали дрожать и опускаться. – В Риме. Я ему достал полотно, краски. Он соблазнил меня своим дарованьем. Половина суммы, вами уплаченной, пошла ему. Ах, Боже мой...

Полковник, играя мускулами скул, посмотрел на грязный платок, которым Магор тер глаза, и понял, что бедняга не шутит.

Тогда он обернулся и посмотрел на Венецианку. На темном фоне светился ее лоб, мягко светились длинные пальцы, рысий мех прелестно спадал с плеча, в уголку губ была тайная усмешка.

– Я горжусь моим сыном, – спокойно сказал полковник.

5. X.1924

Впервые: «Звезда» (Санкт-Петербург), 1996, № 11

Примечания

1 * Паркетирование – реставрация живописи по дереву. Рантуалирование перевод картины на новый холст. – Здесь и далее примеч. ред.

2 1 Себастьяно дель Пьомбо (наст. имя Лучиани, ок. 1485–1547) итальянский живописец, выдающийся колорист и портретист. Одна из лучших его портретных работ – "Прекрасная римлянка" – хранилась в берлинском Музее императора Фридриха.

3 2 Английский король Эдуард VII (1841–1910).

4 3 Бернардино Луини (ок. 1480–1532) – живописец миланской школы. Одна из его Мадонн поступила в собрание Эрмитажа в 1845 г.

5 4 Ф. У. Тейлор (1856–1915) – американский инженер, предложивший систему рационализации производственных процессов в целях повышения интенсивности труда.

6 ** Гратуар – стальной скребок для выравнивания поверхности.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://nabokovvladimir.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!